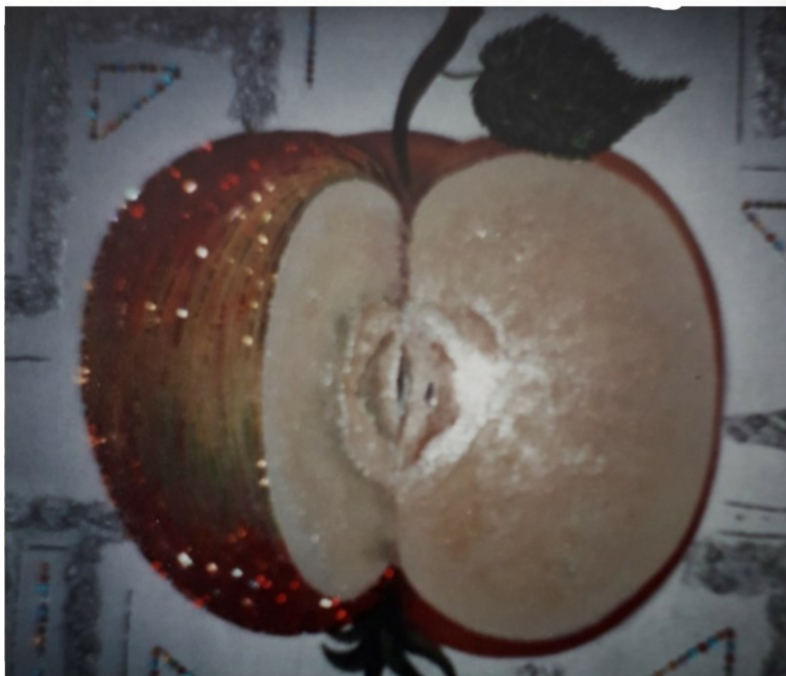


ИРИНА КАЛИТИНА



ПОБОЧНЫЙ
ПРОДУКТ

0+

Ирина Калитина

Побочный продукт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57100955

SelfPub; 2021

Аннотация

Дочь наркоманов воспитывается в благополучной семье, но груз наклонностей, заложенных родителями, отвращает её от общепринятых правил и осложняет жизнь и опекунов

Ирина Калитина

Побочный продукт

Мне кажется, иногда, что, если бы чувства раскаяния или боли материализовались, вырвавшись изнутри, по улицам невозможно было бы пройти.

На вокзале провели ремонт с той поры, как видела его в последний раз, поставили турникеты, убрали столы распродаж с платформ.

От станции до дома, в котором я родилась и выросла, – пятнадцать минут ходьбы.

Дед, известный учёный, построил его в красивейшем пригороде после получения государственной премии.

Путь даётся с трудом. Медлю, медлю, а должна спешить.

Сестра Нина работает в Штатах, прилетит завтра, мы совсем не похожи, у неё – свой отец, а у меня – свой... Был. И наша мама уже была.

Была ли?

Почему она вышла замуж сразу после окончания школы, никто не понял, не было любви между ней и моряком Сaney. Возможно, сыну уборщицы и слесаря из депо захотелось стать членом самой уважаемой в городке семьи, а маму замужество избавляло от необходимости «соответствовать» родителям: учиться в ВУЗе, защищать диссертацию.

Когда их дочери Нине не исполнилось и шести месяцев,

мама познакомилась с моим папой. С тех пор они не представляли существования друг без друга, хотя разлуки длились годы в соответствии с приговором суда.

Отец был красивым и лёгким, учился блестяще, закончил элитную школу, поступил в университет. Кроме точных наук, интересовался музыкой, литературой, писал стихи. Намеревался прожить без утомительного прозябания на работе, «баловался» спиртным и наркотиками. Деньги сами «прилетали» от продажи «дури».

После «открытия» друг друга, мама переехала жить к возлюбленному, оставив Нину на попечение бабушки, дедушки, и старшей сестры Кати, преподавателя математики в университете, имеющей к этому времени мужа и сына, нашего брата Мишу, двумя годами старше Нины.

Саня, вернувшись из плавания, не обнаружил дома жены, забрать дочь с собой не мог и «растворился» для Нины в морских просторах.

Безумная любовь двоих не предполагала третьего, мама неоднократно прерывала беременность на раннем сроке, но однажды, этот временной промежуток пришёлся на пребывание в тюремном изоляторе, супругам инкриминировали сбыт наркотиков. По какому-то закону беременных женщин освобождали за первое незначительное правонарушение.

Так появилась я: плод безумной любви или побочный продукт великого чувства.

После родов мама исчезла, уверенная, что дед, бабушка и

Катя не дадут пропасть, не только Нине, но и мне.

Отец освободился из заключения, два любящие сердца воссоединились вновь.

Они посещали наш дом несколько раз. Мама была ласковой, ни в чём не отказывала дочерям, но это длилось недолго, мы, снова, оставались с бабушкой и Катей, а меня тянуло к загадочным, наполненным друг другом, людям, свободным от обязательств. Всё внутри восставало против нудных правил, распорядка дня, «приличных» разговоров за обедом, необходимости ложиться вовремя спать, ходить в детский сад, а потом в школу.

Как понимала отца, живущего по принципу: «Кому должен, всем прощаю», как чувствовала маму, когда на просьбу сделать что-то, отвечала: «Хорошо» и сразу же забывала об обещанном. Какие только причины не придумывала я, чтобы объяснить «проколы» в поведении.

Бабушка верила, «хлопая» большими серыми глазами, Катю не удавалось «надуть».

Статная, несгибаемая, она напоминала собор в конце нашей улицы, стоявший третий век при любой погоде. Вражеский бомбардировщик пытался его развалить во время войны, но не развалил.

У нас в семье не было бомбардировщика, все поступали так, как Катя велит. Дядя Володя, её муж, тоже не спорил, хотя, иногда, мелькало недовольство на его лице.

Дед же занимался наукой, и ни на что другое не обращал

внимания.

Нина слушала тётю с уважением, а в сторону нашей мамы и моего папы смотрела исподлобья. Я трактовала взгляд так: мама оставила отца Нины, обычного моряка, ради моего, необыкновенного.

С самого рождения мне не доставало чего-то, не та еда, не то питьё, не тот воздух, не те звуки, не то окружение.

Лет в пять разодрала колено в саду, Катя промыла ссадину водкой.

Родным пахло от марлевого тампона, рука сама понесла в рот источник «живительного» аромата.

– Нельзя! – Катя выбросила тампон. – Ты запомнила запах? Никогда ни при каких обстоятельствах не бери в рот эту жидкость, иначе умрёшь! Поняла?

– Да.

Слово «нельзя» ассоциировалось в детской голове со страшным происшествием. Я была настолько маленькой, что два пальчика поместились в отверстия электрической розетки.

Крик: «Нельзя!»

Катя прижала меня к себе. Встряска, ступор, страх смерти навсегда вписались в это слово, взрослые старались при мне его не произносить. Теперь к прежнему потрясению добавился запах водки.

Отойдя в сторону, услышала, как Катя говорит бабушке, понизив голос:

– Что ты хочешь, мама, ребёнок алкоголиков и наркоманов.

Я и представить не могла, что отличаюсь от других детей, посмотрела вокруг:

«Где этот ребёнок? Интересно, кого Катя имеет ввиду?»

Не себя я считала другой, а родственников.

Дом наш полнился книгами, они увлекали меня все, без разбору. Несоответствие некоторых произведений детскому возрасту приводило к абракадабре в голове, по ночам придумывались стихи – компоновка в рифму неизвестных слов, сходных по звучанию. Утром Катя заставляла просыпаться, подниматься, идти в школу.

Голова была тяжёлой, тело – вялым. Пока завтракала, бабушка расчёсывала мои волосы, после этого подавала выглаженную форму, несла портфель. Я забывала сменную обувь, физкультурный костюм, теряла учебники, не обращала внимания на замечания учителей.

Однажды, проплакала несколько дней, уговаривая Катю отвезти к дорогим родителям, которые ничего не требуют от детей, не пристают с воспитанием. Почему они забыли обо мне?

Катя вздохнула и согласилась.

В воскресенье, сидя в автобусе, предвкушая долгожданную встречу, мечтала, что не вернусь назад. На площадке первого этажа коммунального дома увидела четыре двери. Одну из них, не запертую, покрытую рваным дерматином с

кусками торчащей ваты, открыла передо мной Катя. Крохотная прихожая, кухня.

Красивая мама, качаясь, готовила что-то у газовой плиты, у неё были розовые волосы и халат в жирных пятнах.

Папа, развалившись в кресле, вытянув ноги, смотрел старенький телевизор.

«Кто пришёл...», – мама нелепо развела руки в стороны. Отец лениво повернулся.

Не представляла, каким бывает «гнездо» безумной любви!

Остаться там родной дочери никто не предложил.

– Почему мама не подметает пол? – вопрос к Кате на обратном пути.

– Ты не догадываешься, почему Нина с весны до осени съезжает с вашей комнаты на холодную веранду?

– Не хочет со мной жить.

– По причине того, что комнату превращаешь в квартиру отца.

Обида скривила губы.

«Деточка, ты хотела увидеть родителей, я выполнила твою просьбу, но качество их тебе не гарантировала», – она всегда говорила с ребёнком, как со взрослым человеком, оставляя в голове фразы, будто эпитафии, вытесанные на надгробном камне.

Через несколько месяцев дети познакомились с новым словом: «Разборки». Папа с мамой съехали со своей кварти-

ры, поселились у нас.

Они оказались общительными людьми, друзей принимали в беседке. Слово «приём» звучало в нашем доме, когда к деду приезжали коллеги.

В какой-то день нагрянула милиция, арестовала моих родителей и всех, кого они «принимали». Я удивилась, что мама надела папину куртку. Как потом выяснилось, в карманах были пакетики с наркотиком, папе грозил большой срок при вторичном аресте. Мама спасла любимого.

Уходя, она крикнула:

– Сестра, ты посадила нас и заплатишь за это, ты или дети!

Я подумала:

«Какие дети должны расплачиваться? У Кати один сын, наш брат и гордость – Миша, а мы – мамины дети».

Вечером, около забора, Катя чётко, как на лекции, выделяя каждое слово, говорила человеку с морщинистым, землистым лицом:

– Я... написала... заявление... в милицию, и, если кто-то... из твоих ... подельников приблизится к ребятам, его привлекут... Посадят, даже, если вы не причём, потому что была угроза... Молитесь, чтобы с детьми ничего не случилось.

Нам троим было выдано по шилу. Катя научила носить «оружие» в кармане, чтобы не поранить себя.

– Вы всех их знаете в лицо, кричите громко и бейте, не бойтесь. И ещё, без Миши я не разрешаю девочкам выхо-

дить на улицу. Четырнадцатилетний Миша нёс ответственность. Вместо игры в футбол с приятелями, провожал сестёр домой.

У деда случился инфаркт в день объявления приговора маме.

Мне исполнилось двенадцать, когда родители вернулись из «отдалённых мест». Пришли, очищенные от наркоты, радостные, держась за руки, предложили прогуляться с ними по парку вокруг озера.

Высокие, красивые. Я шла рядом и чувствовала, какое наслаждение они испытывают от того, что снова вместе. Настоящая любовь.

Довели меня до калитки, и исчезли. Ускользнул мираж надежды на мою с ними общую семью. Оставались больной дед, бабушка и Катя, которая констатировала в полголоса:

– Один раз явились не «обдолбанные», и девочка счастлива.

Мне было известно значение этого слова. Пошла, надув губы, в свою комнату, вспоминая крик мамы о том, что сестра посадила её. Дочь всё ещё была на стороне матери, но обиды ослабляли привязанность.

От бабушки узнала, что решение вызвать милицию принимали дед и Катя, когда окончательно убедились в том, что дом известного учёного превратился в центр распределения дурмана. Хотели избавиться от зятя, не предполагали, что мама накинет на себя его куртку. Дед себе звонка в милицию

так и не смог простить.

Я выросла и всё более тяготилась обществом Кати. Она ежедневно вмешивалась в мою жизнь, проверяя домашние задания, просматривая дневник, беседуя с учителями. Я начала дерзить, прогуливать школу. Первую недокуренную кем-то сигарету жевала и получала большое удовольствие, оно встроено было родителями в мой организм, ибо курили оба без остановки. «Трофеи», называемые «хабариками», прятала у Миши, Нина тоже. Он никогда не предавал нас, любимый брат и защитник.

Окончание школы ознаменовалось объявлением родственникам, что занята написанием романа в духе «Мастера и Маргариты» и не собираюсь сдавать экзамены.

Катя взяла отпуск, сидела со мной за учебниками, мы с ней закончили школу. Учёба в институте рассматривалась мной, как продолжение пытки, определяемой словами «должна» или «обязана».

Помню, качалась в гамаке, погружаясь в «дебри» какого-то романа, тётя подошла ко мне:

– Ты взрослая, а значит должна учиться или работать и обеспечивать себя.

– Нет!!!

– В таком случае, кто за тебя это будет делать?

Ответа не нашлось. Дед болел, бабушка вышла на пенсию, Катя соглашалась при условии, что поступлю в ВУЗ, а вариант с моими родителями не рассматривался.

– Пойми, ты и только ты отвечаешь за свою жизнь, за свои поступки, это самое милосердное, что можно предложить человеку.

Как уже говорила, слова и мысли Катя закидывала нам в голову в непередаваемой форме, избавиться от этих надписей на мозге было невозможно.

Она нашла мне место работы в библиотеке. Я прогуляла пару дней, поссорилась с начальницей и уволилась.

Подрабатывала, где попало, обедала дома, мизерные деньги уходили на дешёвые развлечения.

Познакомилась с парнем, не помню, как его звали, он позвал в компанию, там заснула, очнулась утром, поехала домой. Бабушка всю ночь разыскивала меня, к утру выглядела совершенно больной.

Тётя приступила к обычному монологу про то, что живу не одна и должна считаться с окружающими. Вдруг, она спросила:

– Какие лекарства ты принимала вчера или была у окулиста?

– Нет.

– У тебя сильно расширены зрачки.

Женщина застыла на мгновение, закрыв глаза, потом на меня «обрушилась» тирада:

– В нашем доме не будет больше наркоманов, ты поняла? Не будет! Лучше убью тебя!

В 19 лет я собрала вещи и оставила позади всех, с кем

была так несчастлива.

Сначала жила у подруги, её мать прогнала меня, когда узнала, что балуюсь травкой.

Попадала в притоны, но, встряхнув головой, вылезала оттуда потому, что в мозгу была запись: сама отвечаю за то, что со мной происходит. Смотрела отрезвевшими глазами и думала:

«Как за это можно отвечать?»

Не получалось расслабиться. Рождённая своими родителями, я наполовину стала Катей. Жёсткое противоречие внутри.

Бабушка отыскала меня, дала денег, взяла обещание ставить её в известность о всех приключениях. Изредка давала о себе знать. Чего только не «плела», что работаю директором салона-парикмахерской, что у меня роман с известным музыкантом и живу в его апартаментах.

На самом деле, бабушкину подачку потратила на курсы наращивания ногтей, только, работы в парикмахерской не получилось: «вяли уши» от сплетен про неверных мужей, любовников, про силиконовые груди, потому что привыкла к беседам с Катей или дедом, сопровождающимся остроумными замечаниями, цитатами из классиков на языке авторов.

Научилась зарабатывать, выезжая к клиенткам, потому что неплохо освоила эту бессмысленную, с моей точки зрения, специальность.

Один, только, раз встретилась с родственниками. Умер

дед. Тьма людей на кладбище, я – в стороне, изгой семьи. Нина сухо поздоровалась и всё. Когда церемония закончилась, появились мои родители. Опустили потому, что потерялись среди крестов. Над могилой деда они, пьяные, радовались, что нашли друг друга.

На поминки не поехала.

Мы с подругой снимали однокомнатную квартиру, основную сумму вносила она, зарабатывающая проституцией, мне, служившей страховкой от неадекватного клиента, предназначался диванчик на кухне. Продавать тело я, пока, не была готова. Раздражительная от природы, не могла выносить, когда до меня дотрагиваются, не говоря об остальном.

Наркомана из меня тоже не получилось, хотя попытки были. Тот, кто начинает «употреблять», сначала, имеет дом и близких, они приютят, пожалеют и накормят. Если человек измождён и голоден, он ищет еду, а не удовольствие. Мыслей «забыться», когда «сосёт под ложечкой», не приходило, наоборот, обострялся ум, жаждущий отыскать средства на самое необходимое.

Размышляя о детстве, вспоминала, что отец годы проводил за решёткой, и, если бы сердобольная бабушка не снабжала мать продуктами и деньгами, возможно, она пошла бы работать.

Между мной и старушкой стоял храм нашей семьи: Катя.

На диванчике, в квартирке, хранившей запах пота или мужских духов очередного старого сладострастника, мне ви-

делся где-то в облаках двухэтажный каменный дом с книжными шкафами, остроумный дед, добрая бабушка, сад, беседка, там играли мы, безгрешные дети.

Сама же я была не в облаках, а на земле и в дерьме.

В тот день мне следовало явиться домой после полуночи. Подруга обслуживала клиента, который хорошо платил.

На пенсионерской лавочке около дома, ждала, когда «козёл» «отвалит» к жене.

Рядом присел человек, не молодой, больной или пьяный. Спросил:

– Где ты живёшь?

– На этой скамье, – ответила сердито.

– Пойдём ко мне.

– Зачем?

«Пусть скажет, – подумала, – тогда ударю и вымещу на нём всю мою злость».

– Не бойся, не буду приставать, мне нужно, чтобы в квартире был кто-то. Не могу видеть муку в маминых глазах.

«Ещё и мама? Только этого не хватало».

Но в пожилом, по моим понятиям, человеке была какая-то детская беспомощность.

– Хорошо, – согласилась, – если не будете приставать.

Небольшая чистая квартирка выглядела, как жилище аскета: прихожая с единственным крючком, скромная кухонная мебель, кровать, застланная по-военному, полка книг, стол с ноутбуком, офисный стул на колёсах.

Он сразу же позвонил, предупредил маму, что дома не один.

Поставил чай, сделал бутерброды с сыром, налил водки.

– Не переношу запаха спиртного, чего вы от меня хотите?

Серебристый ёжик волос, аккуратно побритый широкий подбородок с ямочкой, большие добрые глаза, пьян и надломлен круче, чем я.

– Если мне станет плохо, позвони по этому телефону. Вообще-то, утром должна зайти мама, проверить жив ли.

Была в нём добрая тёплая мягкость, снисходительность, и, как настоящему папе, слово за слово, я поведала всё, что случилось со мной.

От него же, немногословного, узнала, что служил военным до той поры, пока не получил ранение. Живёт на пенсию и подрабатывает тренером.

– Приступы происходят обычно вечером или ночью, не могу переносить, когда мать ухаживает за взрослым мужчиной, как за ребёнком.

Я поняла, что встретила человека, которого и не надеялась встретить. Что все мои злоключения вели к деревянной лавке, на которой мы познакомились, что мне, как и маме, дано любить единственного мужчину.

В юности, читая книгу воспоминаний Анны Григорьевны Достоевской, думала: как трудно пришлось жене больного. Теперь знаю, что такое защищать любимого, говорить кому-то там, наверху, что не отдам его.

Пил он много: вторая болезнь.

Светлана Афанасьевна, его мама, смотрела на меня недоброжелательно, считала, что каприз выветрится из головы вертихвостки и она покинет сына.

То, что во мне ребёнок, догадалась, когда стало тошнить.

Что скажет Сергей? Готов ли стать отцом? Не будет ли третий лишним, как получилось с моими родителями?

И услышала:

– В жизни мне приходилось убивать взрослых, но детей – никогда.

Чудо происходит, лишь, в сказках. Через несколько дней он явился качающимся, глупым, с запахом, навсегда связанным со словом «нельзя».

Взрыв в голове: пьяная мама с розовыми волосами, глаза семилетней девочки, надеющейся на любовь.

И тут из меня выскочила Катя:

– У нашего сына не будет отца-алкоголика! Лучше я убью тебя!

Он старается не пить с тех пор. Ультиматум ли, отчаяние ли моё тому причина, не знаю. Старается, но получается не всегда.

С появлением Вадика отношение ко многим вещам изменилось. Не подозревала, как трудно матери растить дитя, проблемы каждый день.

– Привет, бабуля, позови, пожалуйста, Катю, – звонок через несколько лет, номера мобильного тёти не знала.

– Катя, у меня родился ребёнок.

– Ты вышла замуж?

– Нет ещё. Мужчина, с которым живу, инвалид, был тяжело ранен.

– Где?

– На войне, наверное.

– Война закончилась в 1945 году, передаю трубку бабушке.

– Нет, нет, не знаю на какой войне. Это неважно. Вадик срыгивает, плачет после кормления.

Малыш мой захрюкал, тётя, наверное, услышала и поверила.

– Возможно, грудное молоко жирное, у тебя в нежном возрасте случались колики, попробуй давать укропную воду.

– У мамы было жирное молоко?

– Про её молоко ничего не известно, она оставила тебя через неделю после выписки из роддома. Мы покупали у соседки. Помассируй мальчику животик.

«Как же я выжила без матери?» – глядела оторопело на шевелящийся комочек, он не мог существовать без меня.

И постепенно начала догадываться как. С тех пор консультировалась у Кати по телефону.

Малышу было около двух лет, позвонила бабушка, рассказала, плача, что родители мои сгорели. Пожарные обнаружили на кровати два тела, сцепившиеся в экстазе. Кто-то из них не потушил сигарету. Любовь, как лава Везувия, по-

крывшая Помпеи, заставила фигуры застыть навсегда.

Хоронили их бабушка и Катя. Мне не с кем было оставить сына, и, по сути, я мало знала этих людей.

Следующая новость: родственники не пропили квартиру.

Много лет назад Катя заставила их зарегистрировать в ней дочь, это видимо, и стало помехой. Меня признали единственной наследницей.

Попросила подготовить наследство продаже, а после получения денег оставить у себя суммы, которые женщины потратили на расчистку комнат, вывоз мусора, нотариуса и прочее.

Мы с Серёжей жили скудно, тогда я не знала ещё, что придумаю для маленького сына подругу по имени Кэт, они вдвоём будут обсуждать его поступки и желания, потом размещу эти диалоги в интернете, людям они понравятся, и «забрезжит» надежда, что смогу, наконец, зарабатывать сочинительством и забыть свою единственную специальность: наращивание ногтей.

Мечтали о собственном доме, я рассказывала мужу про детство в коттедже с садом.

Нашлись желающие приобрести обгоревшее «гнездо», Серёжа поехал к моим родственникам, вернулся с деньгами и документами, подтверждающими Катины траты. Среди них я обнаружила свидетельства о смерти родителей, адрес могилы на кладбище.

Тётя намекала на ответственность за последний приют

тех, двоих. Наверное, настанет время, когда я приму это, как долг, но, пока, не готова.

– Уходящий год мне запомнится тем, что познакомился с Катей, – услышала от супруга, когда куранты оповещали о наступлении следующего Нового года.

Трудная дорога к дому... Не воспоминания, превращающие женщину в ребёнка, не чувство раскаяния и не угрызения совести – помеха на пути.

Миша, любимый брат и защитник, погиб.

Наверное, Катя хотела иметь ещё детей, но у неё были мы с Ниной. Вероятно, они мужем могли бы не нуждаться материально, но, если от отца Нины поступали алименты, то от моих родителей – ничего.

Возможно, Катя с удовольствием отдохнула бы летом, но один месяц мы проводили все вместе в Крыму.

Какой стала тётя? Никогда не сдавалась она в трудные минуты, что сказать, как уменьшить страдания матери?

Нина прилетит, только, завтра. Из близких людей, кроме сломленного супруга, старенькой бабушки и меня, у неё никого нет.

Автобус стоял перед воротами, рыдающую жену Миши успокаивали незнакомые люди, дядя Володя, сгорбившийся от горя, держал при себе внуков.

Бабушка не могла стоять, сидела на табурете около автобуса, смотрела на людей глазами ребёнка, плохо понимая, что происходит.

Катя в чёрном платье с застывшим лицом, рассаживала прибывших на похороны в автобус и в машины.

Не буду описывать церемонию в церкви, она показала, сколько людей любили и уважали Мишу и его мать: сотрудники с первой его работы и со второй, школьные и университетские приятели, родственники, соседи.

Я принадлежала к семье, где в этот мир принимали с нежностью, а провожали с любовью и уважением.

Высоко держа голову Катя слушала речи о достоинствах сына.

Каждый, покидающий дом, подходил к ней, принося ещё раз слова соболезнования: пытка, которая называется этикетом.

Настало время прощаться и мне.

«Что сказать матери, потерявшей единственного сына?»

Разговор начала она:

– Девочка, хорошо, что приехала. Видишь, я плохо ориентируюсь в происходящем. Давно хотела сказать, что виновата перед тобой, не думала, что уйдёшь. Это и твой дом тоже.

– В чём ты виновата, Катя?! В том, что не бросила нас? Что вырастила меня, неблагодарную? Да, мы с Ниной знали, кто наша биологическая мать, но и, кто настоящая, знали тоже!

Она превратилась в немолодую, седую, сгорбленную, женщину, едва держащуюся на ногах, сжала мои ладони в своих, слёзы, которые сдерживала до этих пор, которыми душила

себя, покатались по лицу.

Позволить себе так расслабиться, Катя могла, только, с очень близким человеком, заблудшая дочь вернулась к ней.

Для подготовки обложки издания использован акварельный рисунок автора.